навливается автор. Вот, например, дешевое самолюбование: «Олег ногами сбросил с себя одеяло, секунду полежал, разглядывая свое тело и вдыхая сохранившийся еще запах дезодоранта...» Или: «Смазал лицо душистым гелем, промокнул полотенцем, посмотрелся в зеркало. Поднялась никогда не иссякающая в нем радость: красив, очень красив!» Тщательное внимание к собственному туалету, к проявлениям собственной плоти сочетается с необычайной изворотливостью в жизненных ситуациях. Для Олега Крестинского не существует общепринятых нравственных законов и понятий: он блаженствует в сфере своего продуманного до деталей образа жизни, извлекая из него максимум приятного для себя.

А. Белай подчеркивает внешние, физические, даже физиологические подробности облика героя. Его внутренний мир не изображен не потому, что это просчет рассказчика, нет, этого внутреннего мира просто нет, вместо него хищный, всасывающий информацию об очередной влекущей вещи вакуум. Случай клинический, но точно и выверенно в деталях описанный. Точно ставится диагноз, точно подмечены разрушительные для личности симптомы.

Да и других людей, окружающих его, Олег воспринимает только внешне, тоже почти на грани физиологии: у жены «маленькие упругие груди подрагивают», у сына щербатый рот, у одного приятеля толстый зад, грязные руки, у другого — маленький рост, вещи в обтяжку, плюгавость. Торжество внешнего, наружного. Еще от «Мертвых душ», от гоголевского описания персонажей в их овеществленности, устойчивой закрепленности черт. «Фигура у него идеальная — стандарт. Костюм сидит как влитой». Ни одного прорыва во внутреннее, человеческое, духовное.

Настойчивая овеществленность изображенного мирка исключает такую важнейшую для литературы категорию, как духовность. Во что одеться, что съесть и что выпить — вот то, чем живут почти все герои рассказа. На протяжении этого короткого повествования, например, три раза едят, поглощают, пережевывают пищу, пьют водку и коньяк, заглатывают — в общем потребляют. И к другому человеку отношение только одно: что он может дать. Продать. Что от него можно урвать, получить, захапать.

Именно вещи и деньги в лексике рассказа наделяются уменьшительно-ласкательными суффиксами: «шкафчики», «тисочки», «наковаленка», «денежки», «дубленочка», «шапочка», «червончик», «магнитофончик». Язык героев крайне упрощен, примитивен, невыразителен, но для них вполне достаточен.

«— Черт с ней,— успокоил Мулькаманов.— Ну, как тебе?

— Ой, Петя!.. Прелесть! А, Олежка?

— Бесподобно!..

— Да. Хорошо. Сколько, Олег?»

Только один раз испытывает Олег чувство социальной общности, «общую боль» — в кооперативном гараже по поводу подорожавшего бензина.

Вспомним пьесу В. Розова «В добрый час», пьесу двадцатилетней давности. Молодой герой с шашкой крушил вокруг себя лживое и отвратительное ему мещанское благополучие. Сейчас перед нами совсем другой герой — охраняющий, обладающий, сугубый «материалист». Лозунг его — сытость. «Бак полон — садиться за руль приятно: ощущаешь в машине сытость, а с сытыми иметь дело всего вернее» (разрядка моя.— Н. И.).

Но, как мне кажется, А. Белай слишком уж сузил, облегчил свою задачу, наделив своего героя такой могучей и все пробивающей силой, практически никого ему не противопоставив, не испытав своего Олега Крестинского «на прочность». Такой герой, как я уже упоминала вначале, не является открытием молодого прозаика, он лишь еще раз — и хорошо, точно — исследует уже открытое до него другими. Слишком прямолинеен, слишком очевиден такой герой. Он — как тип — уже не вызывает того острого любопытства, с которым был встречен в конце 60-х — начале 70-х годов. Каждая деталь в рассказе сама по себе правдива

и разоблачительна. Но как только автор пытается столкнуть своего героя с чем-то ему чужеродным, микроконфликт рассасывается, не успев по-настоящему реализоваться.

Лишь намечена общими штрихами фигура работяги прораба Кандалова, честного и порядочного человека, к которому Крестинский просто-таки придирается, мстит за то, что Кандалов не дал ему для кого-то нужный рубероид. Кандалов скрипит зубами, но пасует перед Крестинским, который действует чисто формально, не по существу дела. Кандалов «чужой» для Крестинского (а он всех людей делит на два сорта — «своих» и «чужих»). Кандалов и «рабочие — одно слитное возмущение»,— пишет А. Белай, но этим конфликт и исчерпывается.

Еще более легковесно намечен и никак не вытекает из сути заявленного образа микробунт Веты — жены Крестинского. Такая же сытая и благополучная, как и он, в конце рассказа она почему-то прозревает, плачет и чуть ли не думает об уходе (пока что отказывая герою в супружеских радостях).

В такую реакцию Веты поверить трудно; мне кажется, что конец рассказа натянут и несколько фальшив. Автору явно не удалось прописать и проанализировать характер и поведение Веты, как-то серьезно мотивировать ее неприятие жизненной «позиции» мужа. Только что примерявшая новое вельветовое пальто, радостно всплеснувшая руками при известии о «дубленочке», Вета коренным образом меняется и дает отповедь мужу: «Только притворяетесь людьми». Автор, видимо, ощутил необходимость прямого осуждения таких, как Крестинский; но ни от кого не получив отпора, Крестинский в рассказе торжествует... Думаю, что напрасно автор не поставил своего героя в более сложные условия и лишил его «обратной связи» с действительностью.

Более парадоксальным путем пошла Галина Беляничева в рассказе «В прекрасной рабочей форме». Она не «изучает» свой «экземпляр» под беспристрастной лупой, намеренно гипертрофирующей все детали, как это делает А. Белай. Герой А. Белая до конца действует и проявляет себя таким же, каким был заявлен с самого начала. Герой Г. Беляничевой (от его лица ведется повествование) на первый взгляд очень близок Олегу Крестинскому. Он благополучен, «сыт», комфортно устроен в жизни: прекрасная кооперативная квартира, хорошая работа, кандидатская степень, прелестная жена и ребенок. Автор тоже, как и А. Белай, подчеркивает эгоцентризм и самолюбование героя: «Я в полнейшей степени удовлетворен собою, своею семьей и своим образом жизни». Молодой, но уже вполне зрелый человек, герой ясно и определенно ставит перед собой здравые жизненные цели и задачи и вполне успешно их реализует. В отличие от Крестинского он не спекулянт и не хапуга, но он тоже не совсем «чист»: устраивает свою жизнь за счет «научной доводки» чужих идей. Об этом он обмолвился несколько туманно. Но так же, как Крестинский, добывает вещи, этот герой упорно и самонадеянно добывает себе, например, придуманную в воображении жену: очень практично, целеустремленно. Для героя характерен жизненный меркантилизм, выраженный вполне цинично: «Я приноравливаю образ жизни к текущим убеждениям». Такие категории, как высшая цель жизни, поиски смысла жизни, Алика не интересуют. Жажда комфорта и благополучия в личной, сугубо частной жизни одолевает героя. Для него характерны отчетливая рационалистичность, продуманность поступков, планомерность устройства своего существования. Ни о какой духовности, возвышенности, наконец, просто о чувстве и речи быть не может.

Г. Беляничева использует иронически-канцелярский слог для изображения стилистики мышления своего героя. «Я с удовольствием сделал шаг к внедрению в их семейство»,— замечает, например, Алик по поводу знакомства с семьей своей будущей жены, которую он сам запрограммировал, не вкладывая в это никаких душевных движений. Герой ищет «совер-

шенства», то есть «самого высокого уровня». И находит благополучное, комфортное счастье, выражением которого явилась девушка, для которой характерны «безмятежная, убаюканная покойность и столь же безмятежная убежденность, что мир служит ее желаниям». Напор героя таков, что для него почти не существует препятствий в осуществлении цели. Рассчитывая каждый свой шаг (у ироничной Г. Беляничевой острый глаз на детали, лаконичные и убеждающие), Алик все делает правильно. Но, несмотря на всю эту «правильность», герой начинает постепенно испытывать все большее и большее внутреннее беспокойство, напряженность, какой-то отчетливо ощущаемый дискомфорт, завершающийся даже посещением психиатра. «Я в прекрасной рабочей форме»,— твердит герой как себе, так и окружающим; но трещина особого рода проходит через его жизнь. И вполне престижное существование вдруг перестало давать удовлетворение.

Манера, избранная Г. Беляничевой, не скрупулезна в подробностях, не аналитична, а гротескно-иронична. Перед нами не маленький временной отрезок, а несколько лет жизни героя, как бы ретроспекция его «истории болезни». То, что герой во имя прагматичных целей не придавал никакого значения чувствам, живым впечатлениям, реальной, богатой жизни души, то, что теперь он ощутил пустоту, из которой не ведает, как выбраться, очевидно. Г. Беляничева не пишет еще раз очередного обывателя и мещанина; она пытается уловить характер достаточно сложный, колеблющийся, с «чудинкой». Сам эксперимент по женитьбе, организованный Аликом, был достаточно фантастическим; перед нами приобретатель-чудак, человек, самодовольный в прошлом, а теперь не знающий, как существовать дальше.

Метания героя рассказа Г. Беляничевой, подчеркну еще раз, принадлежат уже сфере пробуждения духа — они не походят на ту меркантильную суету, которой занят Олег Крестинский. Что носят персонажи рассказа «В прекрасной рабочей форме», что они едят, что пьют, в какой обстановке живут, не суть важно для автора. Беляничева поставила перед собой задачу показать прагматизм как общую жизненную позицию своего героя, выжав из него квинтэссенцию, доведя ее почти до абсурда (запрограммированная женитьба). Женитьба есть главное приобретение героя, стимулирующее «мощный выброс энергии»: «Но я не позволил себе зарываться в радости обретения. На мне знак добытчика, волка. Я в вечном беге по орбите Таточкиного счастья, дабы у нее никогда не возникали основания для каких-либо желаний, так как появление их предполагает пустоты в счастье».

Так же почти абсурден и словно бы выламывается из логики здравого смысла (а герой наш слишком даже здравомыслящий) крах этой жизненной убежденности. Ведь камня на камне не остается от идеи, что «образ жизни» надо приноравливать к «текущим убеждениям». Прыганье на одной ножке начинает занимать не менее, чем защита диссертации, важное место в иерархии ценностей. Перед героем приоткрывается иной смысл, другая перспектива.

Г. Беляничева, правда, ничего нам не объясняет, вынимая, к сожалению, из рассказа главный нерв — а что все-таки случилось, что произошло с героем, почему человек-автомат («иногда я вижу себя автоматом — блестящим и гладким, как все, что меня окружает») вдруг чудит, совершая необъяснимые «подскоки»? Сюжет достаточно парадоксален и условен, но происходящее с героем требует какой-то мотивировки. Лев Толстой заметил как-то, что 90 процентов его усилий уходят на мотивировку. Я отнюдь не призываю Г. Беляничеву следовать толстовской манере диалектического, углубленного психологизма, но даже самое условное происшествие в н у т р и героя требует усиленного авторского внимания, дабы характер не «ломался», не двоился. С героем произошло ч т о - т о, что возвращает его в детство, наивность, драгоценную «глупость» скакания через веревочку. Но что же все-таки это ч т о - т о —

остается за текстом. Что он пережил — недостаточность, убожество своего существования? Стал задыхаться? Или просто шутит-балагурит, находясь в «прекрасной рабочей форме»?

Неясен и авторский постулат насчет доведения «до конца чужих идей», на чем герой сколотил «солидную научную репутацию». Он ли ворует идеи, присваивает их, или же его используют для доработки, оставляя его тем не менее скромным кандидатом? Этот момент тоже нуждается в комментарии.

Но самое основное — и в рассказе Г. Беляничевой, и в рассказе А. Белая — герои не выходят за пределы личных отношений. На самом же деле они — особенно Крестинский — несут в себе и явную социальную опустошенность, и очевидное социальное зло. Просто фиксировать тот или иной образ, делая это даже одаренно, точно, внимательно — лишь первая, на мой взгляд, ступень анализа. Проявить же корни такой «жизни», приоткрыть ее влияние на действительность, столкнуть такого героя с конфликтной задачей — значит идти вглубь от первичного, внешнего, легко поддающегося описанию. Г. Беляничева, на мой взгляд, такой шаг делает, но еще робко. Но, с другой стороны, ей не хватает пластики, изобразительности, того острого взгляда на деталь, которым, безусловно, обладает А. Белай. Но это относится уже к тем не использованным пока возможностям, которые у авторов, по-моему, есть.

И последнее. Идти только по пути «иронической прозы», в русле которой написаны оба эти рассказа, не представляется мне плодотворным для дальнейшего развития авторов. Ирония, в общем-то, мало от чего спасает, но это мое частное, личное замечание. Есть замечание и более общего характера. В литературе, как и в пении, высоко ценится голос — его окраска, тембр, индивидуальное звучание. А стиль «иронической прозы», во-первых, имел уже очень большую популярность, уже пережил пик своего успеха, выпавший на начало 60-х годов. Сейчас в основном «ироническая проза» перекочевала на шестнадцатую полосу «Литературной газеты», измельчала, потеряла своеобразие и социальную действенность, став разновидностью «фельетонного» направления, остроумно подмечающего и искореняющего недостатки. Свидетельство тому, например, фельетоны-размышления Ан. Макарова, Э. Графова, В. Надеина и других в «Неделе», раздел, который ведется под псевдонимом Пантелеймон Корягин в «Известиях», и т. д. Выбирая для себя стиль «иронической прозы», автор должен быть необычайно осмотрителен, иначе он рискует сбиться на ироническую тональность типа: «Душевные струны Таточкиного отца дрогнули и отозвались родительским согласием», или: «Я давно не видел вокруг себя лиц, избитых жизненными неудачами, измученных разочарованием и интеллектуальными раздумьями» (Г. Беляничева). Если ирония строится только на бытовом, «низком» материале, избежать «душевных струн» трудно.

«Ироническая проза» требует высокого вкуса, тщательного языкового отбора, лаконизма и точности в деталях. Отбор нужных деталей тоже пока не всегда дается Г. Беляничевой. Например, она пишет: «Мне в институт позвонила мама. Она сообщила, что папа в санатории. Пересказала другие новости. Мною интересовалась в самом общем плане, из чего я заключил, что она обо мне уже что-то знает».

В этих фразах много необязательного. Почему мама звонит в институт? Она не приняла новую семью героя? Или звонит случайно? Неясно. Она сообщает, что отец героя в санатории. Зачем? Что дает эта голая информация короткому рассказу? Как выясняется дальше, совершенно ничего, дальше об отце ничего не говорится. И наконец, почему мать интересуется сыном, уже зная о его психическом состоянии, «в самом общем плане»? Проявление эгоизма и равнодушия? Туманно.

Я отнюдь не против манеры как таковой, я за ее точную и небанальную творческую реализацию.

Наталья Иванова

О РАССКАЗАХ А. БЕЛАЯ И Г. БЕЛЯНИЧЕВОЙ

Человек сугубо прагматический, рвущийся к конкретным «благам» и жизненному комфорту, стоит в центре внимания Галины Беляничевой и Александра Белая. Жанр, избранный ими для анализа такого человека, короток и разящ: рассказ. И в том и в другом рассказе авторы выносят вроде бы свою позицию за пределы текста, избегая явной, категоричной оценки словом. Между тем весь пафос рассказчиков очевиден: герои на наших глазах саморазоблачаются, обнажая самые неприглядные стороны своего существования.

Перед читателем наши современники, узнаешь их сразу; думаю, что многие с ними не только встречались, но и сталкивались в различных жизненных ситуациях.

Разоблачение новоявленного мещанина, обывателя, разъезжающего в собственной, не совсем праведным путем добытой машине, проживающего в благоустроенной квартире, одетого в дубленку и кожаный пиджак,— такое разоблачение уже отнюдь не новость для современной прозы.

Можно вспомнить и повести Ю. Трифонова «Обмен» и «Долгое прощание», и «маленькие романы» эстонского прозаика Энна Ветемаа (особенно «Монумент»), и — из недавних публикаций — повесть «Стена» Галины Щербаковой, и многое другое.

Еще лет десять тому назад, комментируя критический диптих по поводу «Обмена», Ю. Трифонов предупреждал, что он не занимается только лишь изобличением новоявленного мещанства, что задача писателя иная — постараться раскрыть личность своего героя.

Тем не менее и в действительности и в литературе сам тип современного обывателя-приобретателя все еще жизнеспособен и активен

На необыкновенной, почти фантастической активности своего героя Олега Крестинского, старшего инженера ОРСа в небольшом подмосковном городке, на его изворотливости и хитроумной «ловкости» останавливается в рассказе с явно ироническим заголовком «Для чтения в давке за благополучием» Александр Белай. Поставив перед собой локальную задачу — изобразить один день жизни такого человека,— автор максимально сосредоточил свое внимание на всех проявлениях его характера, повадках, пристрастиях, стараясь обнажить сам образ жизни такого персонажа. Образ жизни, которым сам герой вполне удовлетворен и жаждет лишь его усовершенствования. Обитает он в прекрасной квартире, расположенной в тихом и уютном городке, всем обеспечен — от итальянских ботинок до очаровательной жены и прелестного малыша; работу использует в своих интересах, машина и гараж наличествуют; даже дубленочку удалось для сына достать — на наших глазах реализуется мечта. Заботы героя однозначны: паркет, гарнитур, «кожаный пиджачишко»... Он прагматик, живущий только для себя, откровенный, но осторожный спекулянт, наделенный к тому же прекрасной наружностью. К вещам он относится гораздо бережнее, чем к людям,— с нежностью и вниманием. Мир страстей Олега предельно ясен — они не простираются дальше того, что можно приобрести; герой очевиден до самого донышка — хапуга и циник. Это проявляется в любой мелочи, любой подробности, на которой оста-